

1.1. MALLEUS MALEFICARUM: КНИГА И ЕЕ ИСТОРИЯ

«То, что реальность может быть обманчивой, было предметом науки раннего Нового времени, ныне уже не признаваемой в качестве таковой; [науки] о сверхъестественных причинах и эффектах, т.е. *демонологии*»¹.

Вольфганг БЕРИНГЕР «Ведьмы и охота на них.
Глобальная история»

«Многие бедствия людям, что причиняются без счета, — так, как я установил в книге *malleo maleficarum* и заключила [т.е. вынесла заключение] высокая школа в Кёльне»².

Этот отрывок из «Нюрнбергского руководства» интересен тем, что в нем «брат Генрих из Шлеттштадта», избегая привычных риторических ухищрений, напрямую говорит о знаменитом трактате как о собственном сочинении.

Основным автором *Malleus Maleficarum* на настоящий момент считается Инститорис, чей опыт на инквизиционном поприще и лег в основу трактата. Наиболее последовательно этого мнения придерживаются немецкие исследователи, настаивая на том, что он попросту попытался воспользоваться известностью брата по ордену проповедников³. К.С. Мэккэй

---

¹ Behringer W. *Witches and Witch-Hunt. A Global History*. Oxford, 2007. P. 9.

² mangerlay shadens dem menschen vnd deß on zal zuo fiegen sein. also dann in dem vorgenanten buoch malleo maleficarum ich bestimbt hab. Vnd die hohe schuole zuo kölen bestet hat (Nürnberger Hexenhammer 1491. S. 110 (3v)).

³ Segl P. Heinrich Institoris. Persönlichkeit und literarisches Werk // Der Hexenhammer. Entstehung und Umfeld des Malleus Maleficarum von 1487. Köln, Wien, 1988. S. 116-117; Behringer W., Jerouschek G. „Das unheilvollste Buch der Weltliteratur“? Zur Entstehungs- und Wirkungsgeschichte des Malleus Maleficarum und den Anfängen der Hexenverfolgung // Günter Jerouschek/Wolfgang Behringer (Hg.), Heinrich Kramer (Institoris), Der Hexenhammer. Malleus maleficarum. Neu aus dem Lateinischen übertragen von Wolfgang Behringer, Günter Jerouschek und Werner Tschacher, München, 2015. S.31-40.

менее категоричен в этом вопросе, отмечая, что полностью отрицать участие Якоба Шпренгера в написании данного сочинения не представляется возможным¹. Учитывая положение обоих в ордене, можно предположить, что они должны были встречаться на собраниях капитула провинции Тевтония (коллективный руководящий орган, ведавший делами конвентов на территории современной Германии). Однако едва ли такие встречи могли позволить совместную работу над очень большим текстом.

Этих двух доминиканцев практически всегда разделяло значительное расстояние. Основная деятельность Инститори-са была связана с г. Шлеттштадт в Эльзасе и служебными поездками в Италию и Чехию, тогда как Шпренгер большую часть жизни провел в Кёльне. Уже по завершении основной работы над *Malleus Maleficarum* Инститорис был с визитом в этом городе для получения Аprobации, заключения теологического факультета местного университета, тесно связанного с орденом доминиканцев. Возможно, Шпренгер читал и вносил некоторые правки в текст трактата, но это его участие идентифицировать не удастся уже нескольким поколениям историков.

Косвенным аргументом в пользу участия Якоба Шпренгера в составлении *Malleus Maleficarum* является булла папы Иннокентия VIII *Summis Desiderantes Affectibus*, согласно которой тот был назначен инквизитом вместе с Инститорисом. Однако уже после издания этого документа из папской курии епископам упомянутых диоцезов направлялись специальные письма (до наших дней дошло и было опубликовано Й. Ханзеном послание архиепископу Майнцскому), в которых разъяснялось, что из названных двух инквизиторов прибыть сможет только один.

Единственный случай, когда булла Иннокентия VIII была задействована на практике — в ходе инквизиционного дознания в Инсбруке — также обошелся без участия в нём Шпренгера. Об этом можно судить на основании промьюльгации, из-

---

¹ Mackay C. S. Op.cit. P. 103-121.

данной епископом Бриксенским Георгом Гольсером, которая подтверждала полномочия исключительно Инститориса (подробнее см. Главу 3.1).

Само появление *Summis desiderantes affectibus* и Апробации теологического факультета Кёльнского университета как разделов трактата сопровождалось курьезом. Как показали исследования, в первом издании *Malleus Maleficarum*, подготовленном шпейерским печатником Петером Драхом в конце 1486 г., они отсутствовали. Уже позднее — примерно через полгода — Генрих Инститорис заказал их у Петера ШOFFера (*Peter Schoffer*, 1425-1503) из Майнца, типография которого специализировалась на официальных документах и формулярах¹. Произошло это не ранее 17 мая 1487 г. (этим днём датирована Апробация), после чего инквизитор еретического нечестия дополнил оставшийся тираж. Выяснить это обстоятельство удалось благодаря анализу использованных при печати шрифтов, а также тому, что до наших дней дошло несколько экземпляров первого издания «Молота ведьм» без буллы Иннокентия VIII².

Наконец, в *experientia*, примерах из инквизиционного опыта, не упоминался Кёльн. Данное обстоятельство обращает на себя внимание, поскольку этот город номинально был центром одного из ключевых диоцезов в Священной Римской Империи германской нации. Более того, мы можем с уверенностью говорить, что на протяжении XV в. местный светский суд регулярно рассматривал дела по обвинению в различных

---

¹ Behringer W., Jerouschek G. Op. cit. S.27.

² Если читатель помнит, во Введении я упоминал, что в 1987 г. вышло юбилейное научное издание к 500 летию этой книги, для которого Г. Ерошек отдельно готовил факсимильные копии текста трактата и этих документов. Еще один экземпляр первого издания «Молота ведьм», в котором отсутствует текст буллы Иннокентия VIII, обнаружили американские историки Л.Эппс и Э.Гоу в собрании Библиотеки Хоутона, основного хранилища редких книг и рукописей Гарвардского университета (Harvard's Houghton Library). См.: *Apps L., Gow A. Male witches in early modern Europe. Manchester and New York, 2003. P. 103,115.*

Appologia auctoris in malleum maleficarum.

Um inter ruentis seculi calamitates; quas prohdoloz non tam legitimus q̄ passim expimur. verus oriens damno sue raine irrefragabilis dissolutus ecclesiā quā nouus oriens homo ch̄ristus iesus asperione sui sanguinis fecundauit licet ab initio varijs heresum contagionibus inficere nō cessat. illo tñ p̄cipue in tpe his conatur. quando mundi v̄: pe ad occasum declinante ⁊ malicia hōim excrecente. nouit in ira magna. vt Job. in Apoc. testatur: se modicū tempus habere. Quare et insolitā quandam heretiam prauitate in agro d̄nico succrescere fecit: heresim inquam maleficarū. a prauipaliozi in quo pigere nōscitur seru: tenotando. Que dum innumeris machinatur insulcib; hoc tamē in singulis: quod cogitatu terribile: deo nimū abominabile: et omnibus ch̄ristifidelib; odibile cernitur. opibus expletur. Et pacto enī cum inferno ⁊ federe cum morte: se idissime seruituri. pro eay prauis eplendis spurcatis se subiiciūt. Preterea ea que in quotidianis erumnis: hominibus. uimēntis ⁊ terre feugibo ab eis deo p̄mittente ⁊ virtute demonū cōcurrente inferuntur. Inter que mala: nos inquisitozes Jacobus sp̄enger. vna cum ch̄ristissimo ab apostolica sede in exterminū tam p̄miser heretis socio deputatos: licet inter duimoz eloquiozū p̄fessozes sub predicatorū ordine militantū minimi. q̄dio tamen ac luguza affectu penantes quid remedij quidve solaminis mortuibus ipsis p̄ saluari antidoto foret amministrandū. huic opi p̄e cunctis alijs remedijs: pios submittere humeros dignū iudicauimus consili de melliflua largitate illius: qui dat omnib; affluenter. et qui calculo sumpto de altari. s̄opice tangit et mundat labia impfectoz in finem optatū cūcta p̄ducere. Verum cum in operibus hominū nil fiat adeo vtile et licitum: cui nō possit aliqua p̄nicies irrogari. Ingemola etiā nostra ad acumen nō pueniunt veritatis. nisi ima alterius prauitatis plurimū fuerint abrafa. Ideo qui de nouitate opis nos redarguentos estimat. ad certamē illius confidēter accedimus. Sciat tñ hocipsum opus nouum esse simul et antiquū. breue p̄iter et plurimū. antiquum certe materia et auctoitate: nouū vero p̄tuz compilatōne earūz aggregatōne. breue. p̄pter plurimozum auctozū in breuem p̄fictōem. longum nihilominus. p̄pter immensam materie multitudinē ⁊ maleficarū imperscrutabile maliciam. Nec hoc dicimus ceteroz auctozū scriptis p̄sumptuose terogando nostrūz opus iactanter et inaniter extollendo. cum ex nostro ingenio pauca ⁊ quasi nulla sint addita. Tñ nō n̄m opus: sed illoz potius censet quoz ex dictis fere sunt singula cōtexta. Quia fil' ex causa nec poemata condere nec sublimes theorias cepim' excēdere: sed excerptoz moze p̄cedendo. Ad honozē summe trinitatis ⁊ indiuidue vnitatis: sup tres p̄es principales. originē. p̄gressum et finem. Maleficarū malleuz tractatū nuncupando aggredimur. recollectōnem opis socio. executōnem vero his quibus iudicium durissimū imminet. eo q̄ in vindictam maloz: laude vero bonoz: p̄stituti cernuntur a deo. cui om̄is honoz ⁊ gloria in secula scloz Amen.

Первый лист *Malleus Maleficarum* в издании Петера Драха (Шпейер, 1486 г.)

формах магической деятельности и достаточно часто выносил по ним смертные приговоры (см. Приложение «Общая хронология событий»). Этот материал так и не попал в *experientia*, что можно объяснить слабой осведомленностью «брата Генриха из Шлеттштадта» относительно ситуации в Кёльне.

Есть еще одно обстоятельство, заслуживающее внимания при разговоре об авторстве трактата. Даже будучи преподавателем, а позднее — ректором Кёльнского университета, Якоб Шпренгер написал только два сочинения: комментарии

на «Сентенции» Петра Ломбардского¹ и небольшую книгу на немецком языке «Возобновленное братство розы и креста» (*Erneuerte Rosenkranzbruderschaft*)².

Первое из них относилось к учебному процессу по изучению теологии. Второе было связано с мистическим «братством розария св. Девы» (*fraternitas rosarii b. Virginis*), создателем которого и являлся Якоб Шпренгер (подробнее об этом религиозном объединении будет идти речь в Главе 2.4). Генрих Инститорис, напротив, писал много, но всегда один. Авторство всех прочих его сочинений ни у кого из историков сомнений не вызывает. И только относительно *Malleus Maleficarum* высказываются предположения о соавторстве.

Оформление ранних изданий *Malleus Maleficarum*, относящихся к инкунабулам (печатным книгам, изданным до конца XV века) и палеотипам (изданиям первой половины XVI столетия), как правило, не содержат упоминания авторов (или автора). Имена Якоба Шпренгера и Генриха Инститориса присутствуют уже в самом тексте — в небольшом вступительном разделе «Апология авторов»³, а также в булле папы Иннокентия VIII *Summis desiderantes affectibus*. Основной текст содержит систематически повторяющиеся фразы о двух авторах, например: «В земле, откуда родом один из тех двоих инквизиторов, составивших сей труд» (*in terra natiuitatis vnius ex his inquisitoribus, cum duo simus hoc opus colligentes*)⁴, однако подобные формулировки всегда предваряют «примеры», связанные с биографией Инститориса.

Эта неопределенность, характерная для первопечатных книг, привела к тому, что уже младшие современники терялись в догадках относительно того, кто же написал *Malleus Maleficarum*.

Об этом свидетельствует фраза, появившаяся в венецианских изданиях трактата: «Автор[ство] «Молота» Якоба Шпренге-

---

¹ Об этом сочинении см.: Mackay C. S. Op.cit. P. 83.

² Sprenger, Jakob. Erneuerte Rosenkranzbruderschaft. [Augsburg] [1476]

³ В русском переводе отсутствует.

⁴ Institoris Sprenger 2006 (1). P. 419.

ра [из] проповедников провинции Тевтонской Иоанн Триттемий открыл, многочисленные ошибки и искажения (неточности) исправил»¹. Начиная с этой публикации, на титульных листах имя Якоба Шпренгера стало появляться в качестве единственного автора знаменитого демонологического сочинения.

Однако метаморфозы на этом не заканчивались. Во франкфуртских и более поздних лионских изданиях исчезло упоминание о самом открытии Триттемия. По всей видимости, здесь сказалась религиозная конъюнктура: франкфуртский издатель Николай Бассей, будучи протестантом, убрал вступление, содержащее посвящение кардиналу Сципиону Ребиба. Вместо него появилось послание к Иоганну Митценбергу, славившемуся своей ученостью настоятелю монастыря ордена братьев-кармелитов (*Monasterium Fratrum Carmelitarum Francofurti ad Moenum*)². При этом немецкий печатник полностью сохранил структуру титульного листа своих итальянских предшественников и дословно воспроизвел развернутый подзаголовок, а также все прочие надписи вместе с упоминанием Якоба Шпренгера как единственного автора.

Сам текст трактата, приведенный к нормам классической латыни венецианскими редакторами, изменений не претерпел. На своем месте осталась даже булла папы Иннокентия VIII *Summis desiderantes affectibus*. Это выглядит как некий парадокс, относительно которого можно только строить предположения. По всей вероятности, за давностью лет этот документ

---

¹ JACOBVM SPRENGER Teuthonicum Praedicatorij instituiti Mallei auctorem apud Joannem Tritthemium invenit, corrupta innumera & deprauata correxit (*Sprenger Jakob. Malleivs Maleficarvm in Tres Divisvs Partes, In quibus Concurrentia ad maleficia, Maleficiorum effectus, Remedia aduersus maleficia, Et modus procedendi, ac puniendi maleficos abunde continentur, praecipue autem omnibus Inquisitoribus, & diuini verbi Concionatoribus vtilis, ac necessarius. Venetiis: Ad cadentis Salamandrae insigne, 1574. P.7*).

² К концу XVI столетия большинство в городе составляли лютеране, но при этом сохранялось и католическое меньшинство, к которому принадлежала и данная обитель.

MALLEVS
MALEFICARVM
IN TRES DIVISVS
P A R T E S,

In quibus } Concurrentia ad maleficia ,
              } Maleficiorum effectus ,
              } Remedia aduersus maleficia ,

Et modus procedendi, ac puniendi maleficos abundè continetur, præcipuè autem omnibus Inquisitoribus, & diuini uerbi concionatoribus utilis, ac necessarius.

Auctore R. P. F. IACOBO SPRENGER
Ordinis Prædicatorum, olim Inquisitore clariss.

Hac postrema editione per F. Raffaelem Maffeuum Venetum. D. Iacobi a Iudeca instituti Seruorum, summo studio illustratus, & à multis erroribus uindicatus.

His adieci mus indices rerum memorabilium, & questionum .

VENETIIS,

Ad Candentis Salamandræ insigne.

M D LXXVI.

Титульный лист *Malleus Maleficarum* в издании Саламандера (Венеция, 1576 г.)

M A L L E V S
MALEFICARVM
 IN TRES DIVISVS
 P A R T E S,

In quibus { Concurrentia ad maleficia
 Maleficiorum effectus,
 Remedia aduersus maleficia,

*Et modus deniq; procedendi, ac puniendi Maleficos abunde
 continetur, præcipuè autem omnibus Inquisitoribus, &
 diuini Verbi Concionatoribus vtilis, ac necessarius.*

Auctore IACOBO SPRENGERO
Ordinis Prædicatorum, olim Inquisitore.

His nunc primùm adiecimus,

M. Bernhaldi Basin opusculum de artibus magicis, ac Mago-
 rum, maleficijs.

I T E M.

D. Vltici Molitoris Constantiensis, de Lamijs & Pythonicis
 mulieribus Dialogum.

I T E M.

D. Ioannis de Gerson. olim Cancellarij Parisiensis, de præ-
 batione Spirituum, libellum.

I T E M.

D. Thomæ Murner ordinis Minorum, libellum
 contra.

*Omnia summo studio illustrata, & quædam
 mendis recens vindicata.*

Cum Indice Questionum & Rerum memo-
 bilium copioso.

FRANCOVRTI AD MOENVM,
apud Nicolaum Bassæum.
 M. D. LXXX.

Титульный лист *Malleus Maleficarum* в издании Николая Бассея (Франкфурт-на-Майне, 1580 г.) Обратите внимание, что текст и дизайн страницы повторяют венецианские издания.

уже не казался протестантам неуместным. Случай с «Молодом ведьм» не является исключением, но скорее указывает на общую тенденцию для демонологии. Как отметил П.Дж. Максвелл-Стюарт, и католики, и протестанты апеллировали к одним и тем же авторитетам с «совершенно утомительной регулярностью»; протестанты цитировали произведения католических авторов с большой готовностью, как авторитетные тексты, достойные абсолютного доверия¹.

Как бы то ни было, интерес представляет сама ситуация. Если признать достоверной историю о филологической работе над текстом *Malleus Maleficarum* Иоганна (Иоанна) Триттемия², которая могла иметь место в начале XVI в., то получается, что этому труду пришлось ждать своей публикации полвека.

Безотносительно того, выяснял ли Иоганн Триттемий авторство трактата или нет, начиная со второй половины XVI века стараниями издателей утвердилось ошибочное представление, что *Malleus Maleficarum* написал именно Якоб Шпренгер. Причем оно оказалось настолько прочным, что и в XIX в. французский историк Ж. Мишле в своей книге «Ведьма» не высказывал и тени сомнения на этот счет.

Эта история показывает, что при большой длительности издательский процесс как таковой привносит обстоятельства и создает смыслы, не входившие изначально в авторский замысел, и в какой-то момент книга начинает жить своей собственной жизнью. В нашем случае на протяжении полутора столетий восприятие *Malleus Maleficarum* в европейской книжной культуре изменилось самым существенным образом. Первона-

---

¹ *Maxwell-Stuart P. G. Rational superstition: the writings of Protestant demonologists// Religion and superstition in Reformation Europe. Manchester and New York, 2002. P. 178*

² Это представляется мне вполне вероятным, поскольку Триттемий позднее сам написал небольшой демонологический трактат в ответ на вопросы курфюрста Иоахима Бранденбургского и императора Священной Римской империи германской нации Максимилиана I Габсбурга (См.: *Behringer W. Witchcraft Persecutions ... P. 74*).

чальная путаница с авторством и последовавшая за ней работа над текстом трактата (редакция, создание указателей) хорошо иллюстрирует сложный процесс изменения книжной культуры после изобретения книгопечатания. В интересующем нас аспекте «революции печати» Э.Л. Эйзенштейн описывала как движение от «испорченных копий к дополненным изданиям»¹.

Сравнительный анализ, проведенный Л. Эппс и Э. Гоу на материале двух изданий *Formicarius* («Муравейник») Иоганна Нидера и 21 одного экземпляра (относящихся к 16 изданиям) *Malleus Maleficarum* показывает, что демонологические трактаты, повторно издававшиеся на протяжении длительного времени, не отличались стабильностью текста. В них вносили правки, изменявшие как отдельные грамматические формы, так и целые предложения².

Исходя из собственного исследовательского опыта, я должен добавить, что аналогичным образом обстояло дело с другим популярным текстом о ведьмах — трактатом Ульриха Молитора *De laniis et phitonicis mulieribus* («О ланиях и женах-прорицательницах»). Эта книга даже в изданиях, относящихся к периоду инкунабул (1489 — ок. 1500 г.), была представлена двумя редакциями латинского текста, а немецкий ее вариант в разных изданиях сильно отличается в плане орфографии. По всей видимости, так проявили себя диалекты тех земель, в которых располагались печатни.

Если оценивать ситуацию по долгосрочной конъюнктуре книгоиздания, именно эти три сочинения XV века — *Formicarius*, *Malleus Maleficarum*, *De laniis et phitonicis mulieribus* — сформировали своего рода «ядро» демонологии как литературного жанра. Их продолжали издавать с завидным постоянством на протяжении двух столетий, причем начиная

---

¹ Eisenstein E. L. The Printing Revolution in Early Modern Europe. Cambridge, New York, Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, São Paulo, 2005. P. 81-87.

² Apps L., Gow A. Op.cit. P. 102.

с 1580 года — объединяя в компендиумы. Тиражи и частота переизданий «Молота ведьм» привели к тому, что на этом фоне затерялось всё остальное, вышедшее из-под пера Инститоториса. Особенно примечательно то, что последний раз при жизни немецкого инквизитора трактат увидел свет в 1496 году, а оставшиеся девять лет жизни «брат Генрих из Шлеттштадта» посвятил написанию и изданию других сочинений (о них подробнее мы будем говорить в Главе 1.3).

Здесь перед нами возникает проблема, некогда обозначенная Р. Шартье — необходимость выявления «смысловых рамок», которые задаются конкретному тексту условиями, определившими его написание, и формами, обеспечивающими его передачу читателю. Это означает, что требуется собирать сведения обо всех, кто так или иначе участвовал в производстве, распространении и интерпретации дискурсов (авторов, издателей, печатников, читателей, зрителей)¹.

Применительно к интересующим нас демонологическим сочинениям этот тезис может быть переформулирован следующим образом: может ли сам процесс издания привносить некие новые смыслы, которые не входили изначально в авторский замысел? Не возникало ли в этом процессе конфликта между первоначальными идеями и последовавшими позднее изменениями? Не сказалось ли это, в конечном итоге, на исходной идентичности авторов в том виде, как они сами презентовали себя в своих текстах? И, наконец, стала ли демонология явлением именно гутенберговской вселенной, книжной культуры, в которой абсолютно доминируют печатные формы распространения информации, либо она продолжала существовать в более широких рамках, где сохраняли свое действие тенденции, свойственные миру скрипториев или даже устного слова?

Попробуем представить ситуацию вокруг демонологии в целом.

К моменту публикации *Malleus Maleficarum* в различных регионах Европы только с начала XV столетия было написано

---

¹ Шартье Р. Письменная культура и общество. М., 2006. С. 11.

(по разным оценкам исследователей) около двух десятков текстов о злонамеренном колдовстве.

Здесь я считаю необходимым подчеркнуть, что речь идет именно о текстах, созданных в книжной культуре, сильно отличавшейся от знакомой нам. Тексты, в которых историки сейчас видят, прежде всего, демонологические трактаты, современники далеко не всегда рассматривали как собственно книги. Такого статуса, например, не могло быть у заметки хрониста о последних событиях в регионе.

Все эти сочинения сильно отличались между собой по стилистическим особенностям и дальнейшей судьбе, что не должно нас удивлять. Ведь до изобретения Иоганном Гутенбергом печатного станка многие книги существовали в одном или нескольких экземплярах, доступ к которым для широкой публики был практически исключен. Книжное знание было достоянием очень немногих, и на это обстоятельство следует обращать особое внимание, чтобы избежать распространенной ошибки в понимании ситуации.

Так, если обсуждать демонологию как самостоятельное направление или «жанр» (последний термин можно использовать только с большой долей условности), то появление пятнадцати-двадцати сочинений на протяжении менее чем столетия покажется признаком высокой актуальности злонамеренного колдовства как широко обсуждаемой темы.

Если же мы будем исходить из того, что XV в. ознаменовался всплеском европейской интеллектуальной жизни, тот же самый показатель будет свидетельствовать о том, что *maleficia* привлекало внимание современников в числе других злободневных проблем. Однако при этом оно не выходило на первый план обсуждений в течение длительного времени.

Как мы увидим далее, даже для Генриха Инститориса ведьмы и их преступления не были центральной темой. В свете того, что мы знаем о литературном наследии этого человека, можно с уверенностью констатировать, что они интересовали его только как одна из особо важных проблем «новых времен» (*modernis temporibus*). Но не более того.